

АНТОН МОНОГАРОВ

СНЫ О ЧЁМ-ТО
БОЛЬШЕМ

Антон Моногаров

**СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Моногаров А.

Сны о чём-то большем. Сборник рассказов / А. Моногаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853088-3

Сны частенько смешивают в себе реальность, грезы, кошмары. А порой, появляется мысль: «А вдруг это все не сон?» В этом сборнике грустные, меланхоличные, веселые, а иногда и фантазмагорические истории, которые, порой, так похожи на странные и необычные сны о чём-то большем

ISBN 978-5-44-853088-3

© Моногаров А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность	6
Полуночники	7
Комната, лишённая зеркал	15
Концерт	18
Панихида по апрелю	21
Флёр	24
Видеть прекрасные сны	26
Ноктюрн	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ

Сборник рассказов

Антон Моногаров

© Антон Моногаров, 2018

ISBN 978-5-4485-3088-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Благодарю всех людей, которые поддерживали и вдохновляли меня. Особая благодарность моим родителям и названной сестре Насте. Спасибо вам за все.

Полуночники

Может быть, это называется слабостью, но в минуты плохого настроения я просто не могу удержаться от нескольких грамм виски. Однако, так как желание покупать целую бутылку и напиваться дома в одиночестве было скучным, отвратительным и, по моим расчетам, неоправданно дорогим занятием, то я приходил в бар каждый вечер. Забавно, прошло уже много месяцев, с тех пор как я побывал тут впервые, а запомнить название этого заведения до сих пор не получается – настолько оно было неоригинальным. Сам бар был под стать его названию, но с некоторыми оговорками: приглушенный свет, деревянные круглые столы и дешевые кожаные диваны, которые, скорее всего, были куплены на барахолке за копейки, такая же дешевая барная стойка и давно не стиранные занавески – все это создавало ощущение того, что либо владельцы жмотье, либо бедны. Но во всем этом был какой-то шарм. Даже люди, в основном, были к месту – мужчины и женщины от сорока до семидесяти лет. Все, как один были в дешевой одежде, которую давно пора выбросить. Они разговаривали прокуренными голосами с пьяной дикцией, поэтому понять их слова было невозможно. Бармену было лет двадцать, не больше и смотрелся он тут совсем не к месту. Его лицо не выражало эмоций, а глаза были пусты. Скорее всего, парнишка студент – его выдавала сутулость, усталость, синяки под глазами, прыщи и отсутствие какого-либо опыта в барменском деле. Я могу его понять – сам был такой же, но ей Богу, я в баре не работал, да и ему не следует – слишком жесткое место для него, да и вряд ли зарплата хороша. Мне хотелось завязать с ним разговор, но по его глазам было видно, что ему абсолютно всё равно на разговоры – ему бы поспать часок. Музыка в баре оставляла двойственное впечатление: с одной стороны, тут играл блюз, что неплохо, а с другой, шансон мне никогда не нравился, особенно «блатняк». В общем говоря, это заведение вызывало такие же чувства, как музыка, люди и обстановка: смешанное. Видно, что все было дешево сделано за гроши и по образу американских баров, но такого бара вы больше нигде не найдете. В этом и был еще один минус – для нашего менталитета он смотрелся слишком дико. Но, это было в разы лучше клубов с громкой музыкой и бухающими малолетками, а также чванливых ресторанов с безумными ценами. Так что, это заведение было самым лучшим выбором из всех. Еще один минус – не с кем поговорить. Так всегда, но сегодня это чувствуется особенно сильно. И тут, рядом со мной села девушка, причем такая, что я сразу забыл о грусти. Ещё бы, голубоглазая блондинка в белой рубашке, которая, по-видимому, была ей в немного мала в самых утонченных местах, джинсы плотно облегли её прекрасные ноги, а в воздухе витал запах её парфюма с тонкими нотками корицы.

– Бармен, налейте виски, будьте добры.

Какой мелодичный голос, эта девушка нравится мне все больше и больше. Я сказал:

– Не ожидал когда-нибудь увидеть девушку, которая заказывает себе виски.

– А что тут необычного?

– Виски – это мужской напиток, большинство девушек не любят его из-за слишком резкого запаха и неприятного, по их мнению, вкуса. Либо вы алкоголичка со стажем, либо у вас что-то случилось.

Она посмеялась. Милый смех, прекрасная улыбка с белыми зубами, два из которых разделяла маленькая щель. На румяных щечках во время смеха появились красивые ямочки. Пока что, все идет весьма неплохо.

– Какая пронизательность! Действительно, виски – не самый лучший напиток для девушки, но, по какой-то странной причине, я захотела попробовать. Как думаете, понравится?

– Как сказать, будь вы бородатым мужиком, то с удовольствием заказали бы еще и набухались в дрова, но так как вы, вроде бы девушка, то ваша реакция будет однозначна: вы почувствуете резкий запах и, скорее всего, откажетесь пить. Даже если вас это не остановит, то после первых ста граммов вам захочется выкинуть стакан в окно и больше никогда не пить эту дрянь.

– Пospорим?

– Проиграть не боитесь?

– На что спорим?

Её глаза стали темно-синими. Похоже, я её немного раззадорил. Совсем чуть-чуть.

– Проигравший рассказывает причину, по которой он тут оказался. Идет?

– Отлично, по рукам.

Она осушила стакан залпом. Даже не поморщилась. Сказать, что я был удивлен – ничего не сказать.

– Понравилось?

– Страшная гадость. Еще хочу.

– Ха, как пожелаете. Парень, 100 грамм мне и девушке.

– Конечно.

– Итак, почему ты оказался здесь?

– А может ты расскажешь первая?

– Не хитри, не я спор проиграла.

– Эх, и то правда. Вообще, причины никакой нет. Просто любитель выпить под хорошую музыку среди толпы незнакомых мне людей. Маленькая радость в моей немного грустной и скучной жизни.

Её носик дернулся, видимо, как знак неодобрения.

– Блатняком ты называешь хорошую музыку?

– Тут бывает блюз и джаз.

– Ха, поверю на слово. Значит, ты любитель выпить виски в одиночестве? Что-то мне подсказывает, что ты любишь читать Буковски и тому подобное.

– Браво, разгадала меня в считанные секунды. А я надеялся, что хоть немного заинтригую.

– Ничего страшного, у тебя будет еще время исправиться.

– Буду стараться. – с усмешкой сказал я.

Бармен принес нам виски, который мы сразу выпили.

– Повтори, будь добр.

– Минутку.

– Неужели ты решил меня споить во время первого знакомства?

– А ты против?

– Нисколько. Я закурю?

– Так ты еще и куришь?!

– Неужели, именно это поставит крест на нашем общении?

– Нет, я просто хотела попросить сигаретку.

Теперь удивился я. С сюрпризами собеседник попался, ничего не скажешь. Я достал две сигареты, одну из которых протянул ей.

– Ты поражаешь меня все больше и больше, сестренка. И как долго ты куришь?

– Сегодня первый день. До этого, я даже не пробовала.

– О как. То есть, ты из умницы превращаешься в раздолбайку?

Она усмехнулась, закурила сигарету и сказала что-то вроде: «Конечно, решила разрушить свою жизнь». Курила она, как и я, то есть, будто делает это лет 10. Это немного портило впечатление, но меня это не особо волновало.

– А почему ты пьешь виски и куришь сигареты впервые в жизни с незнакомым человеком?

– Эх, об этом тяжело говорить.

– С парнем проблемы? Или с семьей?

– Твоя сообразительность оставляет желать лучшего.

– Не умничай. Что у тебя такое?

– Нет, все немного прозаичнее. У меня рак.

Не знаю, откуда она пришла, но вся эта история не приведет к хорошему финалу. Я спросил:

– Рак чего?

– Легких. 50/50, что я выживу.

– Дай сигарету, пожалуйста.

– Зачем тебе? Своих полно, вот и кури.

– Просто дай.

– Эй! Зачем ты её сломал?!

– Вот если было бы 30/70, то кури на здоровье. Всё равно помрешь. А так, лечись, дура.

– Не решай за меня. Просто, дай мне сигарету.

– А волшебное слово?

Она посмотрела на меня злобным взглядом и процедила сквозь зубы:

– Пожалуйста.

От былой миловидности не осталось ни следа. Уголок ее тонких губ задергался, в глазах была смесь ненависти и какой-то отрешенности, а ее дыхание участилось, словно у маньяка. Глаза снова поменяли цвет и стали бледно-голубыми. Я немного не понял, что именно ее разозлило? Разговор о ее болезни или то, что я стал командовать? Мне казалось, что она может сейчас закатить истерику. Вот этого точно сейчас не нужно.

– Ладно, держи.

Она взяла сигарету и поблагодарила меня интонацией победителя. От былой злобы не осталось ни следа – милая и интригующая девушка снова вернулась.

Она снова закурила. Я никак не могу понять, почему именно в ее случае меня это так отталкивает. Но да ладно. Людей становилось все больше, они говорили все громче и громче. Только пришедшим было лет 30—35. Средний класс, представители которого хотели отдохнуть в пятницу вечером. Девушка отвлекла меня от моих мыслей:

– Напомни, как тебя зовут?

– Давай, это останется некоей тайной? Придадим пикантности вечеру.

Она вздохнула и нехотя согласилась.

– Что еще расскажешь, милый?

– Ха, какие твои планы, блонди?

– Болтать с тобой, что ж мне еще делать? И нет, спать мы не будем, если ты об этом.

– Я и не собирался к тебе приставать. Я про другие планы спрашиваю. То есть, мы болтаем, напиваемся, а дальше что? У тебя вроде болезнь, причем серьезная.

– О, у меня интересный план действий, хочешь узнать?

– Потому и спрашиваю.

Она похлопала в ладоши, словно ей 7 лет, широко улыбнулась и сказала мне с ребяческой радостью:

– Я собираюсь покончить с собой.

Я чуть не захлебнулся виски.

– Это шутка?

– Какой ты зануда! – Вскрикнула она с той же долей ребячества, однако в ее глазах было видна огромная печаль. Ее улыбка медленно сползла, она вздохнула и мигом осушила свои сто граммов. – На самом деле нет. Я уже все решила. Ну не смогу я проживать последние недели своей жизни лысым и ослабленным овощем ради призрачной надежды выжить и прожить еще лет пятнадцать – двадцать. И то, если будет рецидив, я проживу лет пять в мучениях. А ради чего?

Знаете, я порой сталкивался с девушками, которые говорят так только для привлечения внимания к своей персоне. Так вот, это совершенно не тот случай – она говорит на полном серьезе.

– А как же твои родные и близкие?

– К сожалению, их не осталось. С парнем я рассталась, сестра давно плюнула на меня.

– Ты просто потеряла смысл жизни, тебя никто не любит и так далее? Ты это хочешь сказать?

– Милый, давай уясним пару вещей. Первое, не смей вешать на меня ярлыки, я тоже могу этим заняться. Второе, нет. Я не вижу смысла ожидать конца в жутких муках. Если ты еще раз поведешь себя столь бестактно, то я уйду.

Почему любая девушка пытается посадить меня под каблук?

– Ладно. Итак, я не смогу тебя переубедить, правда?

– Чертовски верно, милый.

Она снова обнажила свои белые зубы в радостной улыбке. Конечно, ведь я снова подчинился ей.

– Я могу хоть отсрочить твою смерть?

– Зависит от того, как пойдет дальше общение. Кстати, как думаешь, мне застрелиться или спрыгнуть с крыши?

Слишком странный вечер пятницы для меня. Может, позвонить куда-нибудь? Или помочь ей? Не нажать на курок, а как то порадовать ее. Я слишком глуп для такого выбора.

– Застрелиться. Бедные дворники получают травму, когда будут отскребать тебя с асфальта.

– Ха, красивая девушка говорит тебе, что хочет покончить с собой, а ты думаешь о дворниках?

– Конечно, блонди. Ты умрешь, а им жить дальше.

– Забавный ты, мой милый. Жаль, что встретила тебя только сейчас.

Тут в наш душевный разговор вмешался бармен – угрюмый, как гробовщик:

– Молодые люди, попрошу вас уйти. Своими разговорами вы пугаете людей.

Я оглянулся – все занимались своими делами и никому не было до нас дело.

– Да всем насрать, нас даже никто не слушает!

– Я вас слушаю. Уходите, давайте.

– Не надо шума, милый. Пошли, нам есть что обсудить.

Мы вышли на улицу. На улице было глубокий вечер, машины ездил из стороны в сторону, шел легкий дождь, ветер лениво гонял жухлую листву по улице. Я был уверен на 100%, что утром буду чувствовать себя хуже некуда либо из-за похмелья, либо из-за простуды. И непонятно что хуже.

– Итак, блонди. Как ты хочешь все это повернуть?

– Дай сигарету и расскажу.

Я протянул ей сигарету и зажигалку. Раза с третьего она подкурила и подавилась дымом.

– У меня есть старый ПМ, нашла его где-то на барахолке.

– Ты уверена, что он рабочий?

– Конечно, я уже успела его опробовать?

– Как?

– Вышла на улицу и застрелила пару кошек.

В воздухе повисло неловкое молчание. Я надеялся, что у нее просто плохое чувство юмора.

– Да ладно тебе, по бутылкам постреляла на другом конце города.

– Фух, я уж боялся идти с тобой дальше. Кстати, куда мы идем?

– Милый, мы почти пришли.

Мы подошли к обычному, ничем не примечательному дому, коих в округе было бессчётное множество. Мне стало грустно на душе. Я вижу эту девушку в первый и последний раз в жизни.

– Ты еще не передумала? Может, все таки есть..

– Нет, милый.

Она перебила меня. Блонди ясно дала понять, что все решено и обсуждать это нет смысла.

– Могу я узнать твое имя, напоследок?

Она улыбнулась. Это была самая красивая улыбка из всех, что я видел в своей жизни. Мне мгновенно стало и хорошо на душе, и невыносимо плохо. Мне показалось, или уголки ее глаз действительно блеснули? Она достала блокнот, ручку и написала что-то на листочке. Затем оторвала неровный кусочек от него.

– Вот мое имя. А еще фамилия и отчество. Сделай для меня услугу, милый, когда все кончится, сделай так, чтобы меня кремировали. Моя чокнутая сестра будет против, но сделай это. Пожалуйста.

– Все, что захочешь.

Она подошла ко мне и очень крепко обняла меня.

– Как жаль, что я не встретила тебя раньше. Вот такого друга мне всегда не хватало.

Блонди поцеловала меня в щечку, развернулась и пошла по лестнице так, словно ребенок хочет выглядеть грациозно, но еще не знает как это делать. Мило, очень мило. Во мне

боролись чувства: любыми способами не дать ей умереть или все же позволить ей сделать то, что она хочет? Не знаю, что нашло на меня, но я решил оставить её. Она сделала этот выбор и не мне мешать ей. Она захлопнула дверь, а я так и остался стоять как вкопанный, в ожидании неизвестно чего. Спустя пару минут до меня дошло, что блонди оставила мне записку. Потом, все потом. Как раз в этот момент, я услышал звук выстрела.

Комната, лишённая зеркал

Сказать, что здесь было не комфортно – нагло соврать. Жуткая жара, духота, запах пота, дерьма и оставшейся с предыдущих игр аромат крови и мозгов. Бедный свет одинокой старой лампочки был единственным освещением. Ощущение, словно ты на скотобойне. По сути, так оно и было. Круглый металлический стол был единственным чистым местом во всей комнате размером в двенадцать квадратов. Отполированный, с миллиардом царапин отражал бледно-желтый свет. На нем лежал револьвер.

– Сорок четвертый калибр. – процедил сквозь зубы пухлый тип с желтыми зубами и потными подмышками. Думаете вам повезет, шпана?

– Цитирование Клинта Иствуда не делает тебя привлекательнее, урод. – прошипела ему рыжая курносая девушка. Ее голос был словно у заплаканного ребенка.

– Когда ты застрелишься, я станцую на твоём трупe, а потом сделаю из него куклу. Твоя очередь, Пеппи Длинныйчулок.

Она вздыхает, с трудом берет тяжелый револьвер, крутит барабан и засовывает дуло в рот. Медлит пару секунд, в глазах виден страх, а прекрасная грудь часто поднимается. Наконец, девушка закрывает глаза и через силу нажимает на спусковой крючок. Громкий щелчок. Она хочет казаться спокойной и небрежно бросает мне оружие, но ее выдает потекшая тушь, учащенное дыхание.

– Твоя очередь. – равнодушно говорит Рыжая.

Рукоятка из ореха сильно почернела, от первоначального вида ничего не осталось. Он довольно большой и увесистый, наверняка из такого ствола можно застрелить слона, что уж говорить о человеке. Барабан прокручивается быстро и легко. Дуло пистолета холодит висок. Комок подходит к горлу. Я нервно проглатываю его.

– А я думал, что обдолбанные нарики легко могут расстаться с жизнью за очередную дозу.

Ублюдок задел за живое. Резко, с психу, нажимаю на крючок. Щелк.

– Теперь ты, жиробас.

– Ох ты, любитель герыча заговорил! Я уж думал, ты и язык променял на очередную дозу. Колись, зачем тебе выигрыш от этой игры?

– Закрой свой рот и стреляй.

Он посмеялся, почесал один из множества его подбородков и выстрелил себе в лоб. И в этот раз пронесло.

– А с вами весело! Рыжая, а ты молодец. Такое дуло засунуть полностью в рот! Не хочешь раскрыть рот для еще одного ствола?

Девушка смутилась. Потом ее лицо побагровело, но уже от злости.

– Такие мрази как ты всегда издеваются над нами! Вам все прощается: и ужасное развратное поведение, и постоянный секс с разными девушками! Мне надоело, что называют шлюхой просто так! За то, что обниматься люблю и в лосинах обтягивающих хожу, а то, что большинство волосатых и потных «мачо» без рубашек по улицам ходят и со стояками в автобусах трутся – никого не волнует.

Толстяк с чувством рассмеялся. Рыжую это выбесило еще больше. Я же вспомнил, зачем вообще пришел сюда. Этот мудака был прав наполовину. Да, я обколотся, на самом дне, ниже падать некуда. Нужно начинать новую жизнь, благо желание и стимул есть. Но это не так легко, когда с тебя требуют сто тысяч дилеры за ту наркоту, что была взята в долг. Меня спас парень в баре, который предложил поучаствовать в старой игре, «которую описывал великий русский поэт». Выигрыш два миллиона. Тогда мне казалось это логичным шагом отчаявшегося человека. Либо я умирал в игре, либо начинал жизнь с чистого листа. Был еще вариант прятаться от бандитов, но меня все равно бы поймали и сравнили собакам. Как только я согласился,

меня вырубили, а очнулся уже здесь, в компании этих людей и огромного револьвера. До меня дошло, что я слишком ушел в себя. Вернувшись в реальность услышал обрывок диалога:

– ... Думаешь, этим вьетнамцам есть дело до твоих феминисток? Даже если ты выиграешь, то тебе не дадут выйти с призом. Пустят по кругу и выкинут на обочине.

– А тебя отпустят?

– Конечно! – Толстяк часто жестикулировал – Я лишь хочу экстрима. Мне надоело жить без острых ощущений, в этой бесконечной рутине! А еще, мне нравится эта болтовня. Наше присутствие дает этому шоу сто очков вперед. Представь, все эти маленькие узкоглазые вьетнамцы, которые так любят смотреть на кровавое месиво, платят деньги, чтобы посмотреть на нашу перепалку! Ну, и на ваши смерти. Стреляй.

В этот раз она стала увереннее. С ходу взяла, засунула, нажала. Теперь моя очередь. Во мне решимости было гораздо меньше. Мне было сложно нажать на крючок, слишком много мыслей в голове. Рука предательски дрожала. Наконец-то я нажал. Звук осечки был самым громким в моей жизни, тот почти оглушил меня. Стало дурно, голова кружилась, пот лился из всех пор. Я даю пистолет парню. Тот прокрутил барабаном по рукаву. Снова этот звук.

– Детка, теперь ты.

Он кинул револьвер ей в руки.

– Интересно, а та твоя подружка феминистка, на лечение которой ты хочешь выиграть деньги. – Он на секунду замолчал. Рыжая затаила дыхание. Толстяк ехидно скалился. – У нее такой же большой рот? Я бы мог вылечить её, если она хорошенько поработает ртом.

На секунду повисло гробовое молчание. Рыжая подняла пистолет, нацелилась на голову обидчика и нажала на спуск. Звук выстрела оглушил нас, в воздухе повис запах пороха и свежего мяса. Безголовый труп лежал на холодном бетоне. На стене было кровавое пятно и ошметки головы. Меня вырвало, Рыжая уронила на пол пистолет и закричала. В комнату зашли три худощавых вьетнамца, все в костюмах. Двое из них забрали труп и стул, третий забрал гильзу, вставил новый патрон в барабан, побрызгал освежителем воздуха и ушел. Кровавое месиво, блевотина и револьвер остались на своих местах.

– Я не хотела его убивать. – заплаканным голосом сказала она. Ее всю трясло. Я подошел и обнял её за плечи. Она разрыдалась. Все это было слишком жутко и странно, учитывая то, что кто-то из нас должен умереть.

– Как я буду жить с этим грузом на душе? Я убила человека. Мне казалось, что все будет не так.

– А чего ты ожидала?

Она пожала плечами.

– Как угодно. Но не так.

Я сел напротив нее.

– Зачем тебе деньги?

Она посмотрела на меня немигающим взглядом. Казалось, что Рыжая ошарашена этим вопросом.

– Зачем тебе?

– Давай немного поговорим перед чьей-то смертью. Без имен, просто узнаем друг друга немного лучше.

Мне требовалось выговориться, как и ей. Отвести душу перед концом.

– Хорошо. Я и моя подруга феминистки. Давно занимаемся правозащитной деятельностью. Сейчас у нее саркома. Деньги на ее лечение.

– Благородная цель. Это очень мило.

Она легонько улыбнулась. Затем спросила, мол:

– А у тебя что?

– Пришла ко мне пора платить долги.

– Карточный долг?

– Нет, дилеру задолжал. Новую жизнь на новом посту нельзя начинать с проблем. Хотя, можно конечно попробовать, а потом еще раз пойти играть в рулетку, но у меня не настолько стальные яйца, чтобы повторить этот финт еще раз.

Мы немного посмеялись. Это расслабило. Я потянулся за револьвером, но Рыжик взяла меня за руку.

– Мы можем посидеть еще одну минутку? Просто посидеть в тишине.

В её глазах была просьба. Сейчас это нужно ей больше всего.

– Хорошо.

Тишина, музыка для моих ушей. Я чувствую безмятежность. Пусть девушка выиграет и поможет подруге. По сравнению с моим планом это имеет больше смысла. Благородная цель. Я беру револьвер, поднимаю к виску и нажимаю на крючок.

Концерт

Посвящается Джону Колтрейну за «Theme for Ernie»

Сегодня играть было сложнее, чем обычно. Как и в каждый вечер пятницы, мы выступали в ресторане в центре Города. Нельзя сказать, что это заведение было настолько элитное, что без костюма стыдно зайти, но и не те облеваннные бары, в которых мы играли с самого начала. Наш квартет, который назывался «Улица Эллингтона» и состоял из Ти и Ди – двух братьев французов с абсолютно разными характерами. Ти – наш басист и он мастер своего дела. Во время игры совершенно переставал замечать окружающий мир, оставлял все насущные проблемы за сценой и полностью сосредотачивался на своей игре впадая в некий транс из которого не всегда выходил с первого раза. В отличие своего брата – барабанщика Ди. Тот всегда успевал и играть, и подмигнуть кому-нибудь в зале, и скорчить нелепую рожицу. Мне никак не удавалось понять: как он мог так хорошо играть вообще не концентрируясь на деле? Однако, имея различия в стилях игры, в жизни брата были очень похожи характерами – гуляки, которые наслаждаются жизнью. У меня была теория, что играть джаз они стали только из-за какой-то славы или девушек. Если это и так, то они явно ошиблись жанром – в наше время джаз не столь популярен, чтобы жить, словно ты Чарли Паркер. Мо – пианист, был самым рассудительным членом нашей шайки, единственный полностью адекватный человек и единственный черный в нашем квартете. Нам часто говорили, что джаз без черного – это не джаз. Забавный стереотип от не знающих историю людей. Мо же эти шутки, как и многие другие вещи, абсолютно не волновали. Его жизнью было искусство. Он и собрал нас всех. Перед концертами Мо всегда волновался и выходил из себя, становясь диктатором: -Ди, Ти, хватит дурачиться! Сосредоточьтесь, это очень важно!

Для него любой концерт был важен. Настолько ответственного человека мне не приходилось видеть. Кстати, именно он придумал название. Атмосфера напряженности не спадала. Все началось с того, что вместо подготовки к концерту Ди трахался с какой-то девушкой в подсобке бара, Ти пил виски, а Мо пытался их найти. Для него этот вечер был особенно важен. Всю нашу своеобразную карьеру мы просто переигрывали хиты Эллингтона, Брубeka и прочих гениев. Но сегодня, во время второго нашего выхода собирались играть композицию Мо. Понятное дело, что он сел на измену. В результате, все переругались и первую часть мы играли в заметном напряжении. Все, отдых, самое время перекусить. У каждого музыканта был порок: у Ди женщины, Ти курил траву, Мо помешался на себе и своей музыке, я любил фаст-фуд. В свои тридцать лет я весил около ста тридцати килограмм. Гамбургеры, бурито, чизбургеры и их производные вызывали у меня в душе трепет. Бармен – мой старый знакомый всегда делал бургер. Всегда разный, но неизменно вкусный. Жирная, прожаренная котлета, хрустящие булочки, помидоры, специи и соус, ради этого я был готов мириться и с избыточным весом и подпорченным здоровьем, в частности с камнями в почках. В этот раз Бармен сделал больше сыра. Не плохо, но не в первой десятке.

– А вы в курсе, что эта псевдоеда разрушает вашу печень и повышает уровень холестерина. Я повернулся в сторону, откуда послышался голос. Говорила женщина, пьющая водку с мартини и курящая тонкую сигарету со вкусом вишни или чем-то в этом роде. По крайней мере, воняло вишней. Я ответил:

– Девушка, вам не кажется, что не вы должны говорить мне о вреде еды, что я ем?

Она округлила глаза и приоткрыла рот.

– Да как вы смеете вообще? Я же о вас забочусь.

– Женщина, не насилуйте мой мозг. Вы и правда думаете, что ваши паршивые сигареты и мартини менее вредны, чем мой сочный бургер? Тот хотя бы вкусный. Дайте отдохнуть, у меня концерт скоро.

– Ублюдок. – выругалась она и ушла. Я выдохнул и спокойно продолжил есть, но меня снова отвлекли.

– Здравствуйте, вы же саксофонист квартета «Улица Эллингтона»?

– Да, а вам что нужно?

Молодая рыжая девушка достала из сумки блокнот, ручку и попыталась усесться на соседний стул, но из-за сравнительно небольшого роста ей это удалось только с третьей попытки.

– Я же могу взять у вас интервью?

– Девушка, я бы хотел немного отдохнуть...

– Вы выступаете вместе с квартетом около года, но в музыкальных кругах о вы стали известны значительно раньше. Почему вы решили играть с кем-то?

Я с безразличием положил так и не съеденный бургер на стойку, выдохнул и повернулся.

– Хотелось поучиться у других музыкантов и приобрести опыт работы в коллективе. Она быстро черкала у себя в блокноте. Подняла голову и посмотрела на меня щенячьим взглядом зеленых, как изумруд, глаз.

– Вам нравится работать и творить в этой стране? Была ли возможность уехать отсюда?

– Да, меня все устраивает. Да, у меня была возможность, но она была слишком давно, лет 10 назад.

– Почему не уехали?

– Из-за девушки.

– Ой, – смущенно сказала она и улыбнулась, – вы женаты?

– Нет, – усмехнулся я, – моя девушка ушла к моей же подруге. Кто бы мог подумать.

Она не знала как отреагировать на это, потому просто продолжила.

– Что вы собираетесь делать, в случае коммерческого успеха?

– Не думаю, что он будет. А теперь извините, мне нужно бежать на сцену.

– Но я не закончила...

– После концерта, девушка! – прокричал я убегая от нее за кулисы. Все были в сборе. Мо спокойно разминал пальцы, Ти застыл в предвкушении, а Ди подпрыгивал на месте и резко выдыхал. Конферансье представил нас и мы вышли на сцену. Все начиналось с партии Мо, потом вступал я, а затем остальные. Все шло идеально, мы вошли в раж, темп нарастал, композиция приближалась к своему пику и вот он, тот самый момент, звездный час Мо. Никогда еще он не играл так воодушевленно и вовлечено. В зале кто-то начал кричать, все зашевелились. Раздался звук, заткнувший почти всех. Ди рухнул замертво, в воздухе витал запах пороха, лязг упавшего пистолета казался громче самого выстрела. Визг девушки и крик стрелка, сбитого кем-то из гостей вызвал панику. Убийца кричал: «Будешь знать как спать с чужими женами, гнида!» Мы подбежали к Ди. Тот лежал в крови, пуля попала в грудь, на белоснежная сорочка появилось багровое пятно. Ти все кричал, как в старом кино: «Не умирай, мы еще не покорили мир, не смей умереть здесь!» Я попытался оттащить его за кулисы. К нам подбежал местный доктор, который всегда был на наших концертах. На секунду я отвлекся и до меня дошло – Мо до сих пор играл свою партию, словно ничего и не было. Он в исступлении нажимал на клавиши, стараясь довести дело до конца. Весь мокрый от пота, закусывая губы и надувая щеки от напряжения, его ничего не волновало, кроме его перформанса. Паника и покушение на музыканта в модном клубе во время джазового концерта. Той девице, которая брала интервью должно быть круто повезло. После этого инцидента джаз-бэнд вроде распался, но «Улица Эллингтона» распалась на улочки несколько позднее. Ди выжил, пуля прошла в паре сантиметров от сердца не задев ничего важного, и открыл с Ти свое дело, вроде бы продажа старых пластинок. С их знаниями в самый раз. Ти женился, Ди все шлялся по девушкам. Связь я с ними потерял, да и в музыкальных кругах о них больше не говорили. Но у Мо гораздо длиннее след. Он снова пытался играть в квартете и на первых порах у него получалось, музыкантов, желаю-

щих творить под его началом было как грязи. Та история принесла ему славу, которую многие добиваются годами. Все шло как по маслу, однако уже тогда начинали появляться слухи, мол музыкальный гений – неуправляемый самодур. В это не особо верилось, на публике Мо вел себя сдержанно и спокойно. Но все расставил на свои места первое и последнее выступление его собственного оркестра – зенит его славы. Он пригласил меня, по старой дружбе. Программа состояла, по большей части, из собственных произведений, в том числе и той самой, которая сделала его звездой. Плевать, что та была рассчитана на квартет. По мере приближения дня Икс, тот все чаще выходил из контроля и заставлял репетировать по несколько часов к ряду. Жалобы в профсоюз не дали особых результатов. Концерт принес свои плоды. Начинали с композиции «Перфоманс», той самой, что рассчитана на четверых. Все было идеально, зал разразился овациями. Но когда начали играть «Рапсодию в стиле блюз» Мо сорвался, наорал на весь оркестр, дал по морде кому-то из зала и ушел. Естественно, после этого мало кто хотел просто пускать его играть в бары, что уж говорить об игре составе бэнда. Мо спустился в самый низ, откуда начинал. В конце концов, без возможности играть и показать свое творчество миру он застрелился. Перед своей кончиной мы встретились. Он поведал мне о своей жизни после того злосчастного выступления, отдал свои новые и старые работы, а также завещание, которое я нашел лишь после его смерти. Единственное, что Мо желал – на его похоронах должна играть «Меланхолия» его любимого Дюка Эллингтона. Так и было. На похоронах, где присутствовал лишь я и священник играла именно эта композиция, реквием по его жизни, его «Мистер Тамбоурин мен», музыка – отражающая всю его суть. Так уж вышло, что в музыке остался только я. Прошло два года, а мою игру до сих пор можно услышать в том уже не столь модном, но все еще крутом заведении, где мы тогда выступили. Видно, страсть к музыке не всегда приводит к вылету, краху или смерти. Возможно, иногда можно просто делать свое дело со страстью и не сгорая, как Мо.

Панихида по апрелю

Холодный ветер пробирал до костей, несмотря на тонну теплой одежды. Определенно, это самый жесткий город из всех, в которых я успел побывать. Снегом замело все дороги, машин, кроме снегоуборочных, почти не было. Напоминает рассказ о бароне Мюнхгаузене, когда засыпало даже церковь. Линзы замерзли и треснули, видимость нулевая, боль адская. Несмотря на все, это идеальный город, дабы побыть вдалеке от цивилизации и получить немного вдохновения. Дело было в апреле, мне двадцать лет и я самолично отправил себя в ссылку.

Как всегда, дешевый отель, но на этот раз в нем не было и тени бюджетности. Я даже почувствовал себя человеком, впервые за долгое время. Спрашиваю у хозяйки, мол: «Почему так дешево?» На что получаю улыбку и нечто вроде: «Лучше вам не знать». В номере не было каких-то особенностей, дороговизны или вычурности, просто отлично выглядящий и крепко сбитый. Надежный. Теплый. Как раз, чтобы не чувствовать холод. Прекрасно, теперь это мой Дом. Очередной.

Не люблю тратить деньги на кафе, лучшая еда – домашняя. Но в этот раз, лень взяла верх и я направился в местную кофейню. Так уж вышло, что проходил через задний двор и увидел девушку, повара. Мы улыбнулись друг другу. В ней не было красоты. Крепкое, но не соблазнительное тело скрывала форма, длинные черные волосы. Подойдя чуть ближе, смог увидеть лицо. Пухлые губы сочетались с морщинами, сломанным, по всей видимости носом и обычными, ничем не примечательными карими глазами. Вроде, взгляду не за что зацепиться, да и выглядела она старше меня лет на шесть. Но нечто в ней притянуло меня. Я улыбнулся. Поймал улыбку в ответ. Показываю жестом, что направляюсь к ней в кофейню. Та кивнула и исчезла в дверном проеме.

Кафе было выдержано в деревенском стиле – повсюду элементы сельского обихода, плетеные стулья, пластиковые подносы с деревянной фактурой. Вообще, здесь правила балом древесина. Казалось, если кинуть спичку, то все здесь полыхнет. Ко мне подошла девушка, на бейдже надпись: «Стажер». Она скромна, неуклюжа, постоянно мнетя и что-то бормочет каждый раз, когда я задаю ей вопрос по меню. Ей хотелось, дабы ее оставили в покое, быстро сделали заказ и дали побыть вдалеке от этой суеты. «У многих так в первые дни» – подумал я про себя – «Практически у всех».

Заказ сделан, девочка вздохнула и ушла. Со стороны кухни услышал её голос, просящий помощи. Я ухмыльнулся, вспоминая то время, когда сам был таким стажером. Веселые деньки.

Через пятнадцать минут мне принесли блюдо. Овощное рагу в томатном соусе с глазуньей пахло очень вкусно и соблазнительно. Оно было в сковороде, которую используют в деревнях, по крайней мере, так думали владельцы заведения. Только приготовленное, еще кипящее от масла и избытка соуса, желток успел лопнуть и начал окрашивать кроваво-красное блюдо золотистым цветом, смешиваясь в одной цветовой палитре, словно на картине художника. Засучив рукава и взяв ложку в руки, я съел первый кусок, как вдруг мою десну пронзила резкая боль. Я взялся за щеку, грязно выругавшись. Все посмотрели на меня с неподдельным интересом. Стараюсь нащупать причину неприятных ощущений. Вот, продолговатая, металлическая зараза. Я вынимаю из своего рта окровавленную скрепку от степлера. Администратор, молодой парень кавказской внешности, подбегает ко мне и неловко извиняется.

– Позовите сюда повара, который приготовил это.

Через минуту выходит она, виляя своими широкими бедрами в такт музыке. Ее лицо выражало только уверенность в своей правоте. Она снова улыбнулась, когда увидела меня и скрепку на столе.

– Это такой способ проявить внимание? – спрашиваю и не знаю, какие чувства внутри меня.

– Вполне возможно. Зато запомнилась.

Что правда, то правда. Мы болтали с полчаса, не меньше. Та даже в наглуго села за столик.

– А тебя не выгонят с работы?

Она махнула рукой и рассмеялась.

– Нет, здесь работать некому.

В конце концов, мы договорились встретиться завтра в десять, после работы. Имя она решила не говорить. Мол, так интереснее.

Вечером не было сильной метели, просто медленно падали снежные хлопья. Сугробы окрашены в яркие, неоновые цвета постоянно меняющихся вывесок. Из динамиков на улице играет музыка. Кажется, это Стиви Уандер. Да, зима сильно затянулась. Молодой парень идет со своей девушкой, выгуливая двух собак. Те прыгают в каждый сугроб и зарываются в него с головой. Я ухмыльнулся. Парень отдает псов девушке и подбегает ко мне. Она с трудом удерживает верных животных.

– Извините, у вас папиросы не найдется?

Я посмеялся и достал ему штуку. Девушка кричит, одна собака вырвалась и побежала к хозяину.

– Ты почему убежал? Пошли обратно!

Пес-маленький, толстенький, рыжий, смотрел на меня счастливыми глазами, старательно виляя остатками купированного хвоста.

– Я поглажу? – спрашиваю я снимая перчатку.

Тот кивнул головой и прикурил сигарету. У него не выходит это с первого раза, да и держит ее так, словно курит совсем недолго. Собака лизнула меня. Когда-то и у меня была собака. Но это было довольно давно. Я улыбнулся, не знаю почему.

– Спасибо.

– Это вам спасибо, за сигарету.

Паренек побежал в объятия своей девушке, а пес прыгал в сугробы за ним.

– Травишь детей дешевыми сигаретами? Совесть не болит?

Ехидно сказала Она, подойдя сзади и поцеловав меня в щеку.

– Мое дело телячье – дать покурить и не болтать.

Та рассмеялась своим зычным голосом.

– Куда пойдём, княжна?

Она посмотрела на свою длинную, толстую шубу.

– Ах да. Север диктует свои условия.

Я улыбнулся и взял ее под руку. Девушка прижалась ко мне и сказала:

– Куда-то, где не готовят салат «Цезарь» и прочие стейки.

Клубы нам не нравились – слишком шумно, опиум для молодежи, безвкусица. Потому мы пошли в бар. Старый, советский, раньше был «рюмочной», а сейчас переделан под современный бар, но с антуражем «совка». Нам здесь понравилось. Настолько, что это стало нашим местом. Она была в черном платье, облегающем ее широкие, соблазнительные бедра, выставляя напоказ все ее прелести. Тем не менее, я смотрел исключительно на ее губы. Слушал. Она была вдовой, год назад, при невыясненных обстоятельствах, пропал ее муж. Тот любил ее побить, когда напьется. Мне до сих пор кажется, что та причастна к его пропаже и тот зако-

пан где-то под гигантской сосной. Девушка привлекала меня все больше и больше, она либо смеялась над моими шутками, либо понимающе кивала головой. Из последующих разговоров стало понятно, что она бой-баба. Жестокое детство, вокруг одна пьянь, не сбывшаяся мечта уехать из города в восемнадцать лет, а в результате застряла здесь. Она часто говорила о том, как ей надоело здесь жить, как грезит уехать куда-угодно.

«Здесь меня знает каждая собака» – говорила Девушка. Злоба, боль, разочарование. После бара мы, порядочно веселые, поехали к ней. Старая девятиэтажка, бывшая общежитием, давно требовала ремонта, в лифте пахло мочой и старостью, мой нос непроизвольно дергался. Наконец, нужный этаж. У нее была маленькая, неуютная квартира. Все было без излишеств, лишь самое необходимое. Мы начали целоваться и раздеваться. Не из-за какой-то дикой страсти или безумного желания. Просто так должно быть, мы привыкли к подобному развитию. Вроде, мы попали в ритм, почувствовали друг друга, но на душе было пусто. Бессмысленные стоны не давали никакой информации. Я чувствовал себя животным. После секса на душе было погано. Я закурил, стараясь избавиться от этого гадкого чувства. Та посидела, положила голову ко мне на плечо и тихонько заплакала. Я молчал. Пусть поплачет. Мы были в одном положении и курили один табак на двоих. В этом было нечто особенное.

Так продолжалось какое-то время, месяц или два. Фактически, у нас был гражданский брак. Потом, набравшись вдохновения и материала, я уехал. Мы договорились, что еще приеду и найду ее либо здесь, либо на работе. Пытался приехать к ней в сентябре, но ничего не вышло. Переписки, да и какой-либо связи у нас не было. Ей казалось, что так интереснее. Правда, я пытался пару раз позвонить к ней на работу, но ничего путного не вышло, весь разговор был до убожества стандартен. Накопив денег, отправился к ней в феврале. Все повторялось: зима, смех, вино, плач каждую ночь. Я так и не спросил, почему она плачет. Тогда это казалось лишним, глупый вопрос, который мог мигом испортить все. Несмотря на то, что каждый день практически повторял предыдущий, мне не опостытели эти странные и несколько печальные отношения, я чувствовал необыкновенное спокойствие и умиротворение. Сплошное, подлинное удовольствие. И так на протяжении еще одного года. Мне была непонятна эта магия. Даже думал на время перебраться сюда, но обстоятельства вытащили меня из этого круговорота на полтора года. Когда я, наконец, смог приехать, мое Умиротворение исчезло. Совсем. С работы она ушла с диким скандалом. Кажется, плюнула в лицо гостю то ли за пошлую шутку, то ли еще за что-то. Потом выяснилось, что она выскочила замуж и уехала из городка. Куда? Неизвестно. Я пожил еще здесь, в тайне надеясь на ее возвращение, хотя и понимал, что «сажаю алюминиевые огурцы». Бессмысленные грезы. В конце концов, уехал и больше не возвращался. В моей памяти остались эти прекрасные зимы, плач и, самое главное, Умиротворение.

Флёр

Жить мне осталось полчаса, максимум. Коридор становится все уже. Рваная рана болит, но внутренние органы вроде не задеты. Идиот, вспомни курсы анатомии. Скорее всего, прострелена печень. Это я потихоньку осознавал, когда уже захлопнул дверь номера и немного оправился от шока. Возможно, я ее убил. Никогда не бил девушку. Особенно такую. Но когда маленький револьвер, приставленный к моему животу издает щелчок и разрывает живот в клочья, превращая печень в кашу, становится не до её красоты. Прекрасное, словно у Грейс Келли, лицо не выражало никаких эмоций, элегантная прическа потеряла свою форму и превратилась в огненно-рыжую копну волос, как у старой детской куклы из фарфора. Только когда я вошел в нее, она закатила глаза и тихонько вздохнула. Мы даже не стали раздеваться, её зеленое коктейльное платье, идеально подходящее к глазам, помялось и стало выглядеть неопрятно. Под стать номеру отеля. Солнечный свет пробивался через пыльные жалюзи, деревянная мебель облезла, кровать словно была взята из тюрьмы, настолько она отвратительна. Тусклый свет ламп худо-бедно осветил комнату до приемлемого уровня. Я полез к ней целоваться спустя всего пару минут, как мы сели на диван продолжить наш разговор. Никакого сопротивления, равно как и ответного влечения я не почувствовал. Полнейшая апатия, будто ей все равно. В душ она со мной тоже не пошла. Я старался побрить свою рыжую щетину, пытаюсь унять дрожь в руках и не порезаться. Наконец, я закончил. Посмотрел на себя самого. Рыжие короткие волосы, одна скула раздроблена, из-за чего лицо стало терять былую красоту. Как же она на меня похожа. Особенно улыбкой до ушей. Это заводило меня еще больше. Одежду я оставил на полу ванной комнаты. Дешевый костюм, который старался выглядеть дороже, чем есть на самом деле. В какой-то мере, мой идеальный спутник. Но её не обманешь. Она знала, что у меня за душой ни гроша. Потому мы с ней и встретились. Все эти путешествия и веселья порядком истощили мой бюджет. Мы практически не говорили, пока шли по коридору. Я наблюдал за её виляющей классной задницей. В этом плане она была похожа на свою мать, которую я когда-то неплохо знал, а ноги, к сожалению, оставляли желать лучшего – толстые лодыжки и легкая кривоватость портили все впечатление. Когда мы брали номер, хостес радостно, но дежурно промолвила:

– Так приятно видеть воссоединение семьи.

– Мы не семья. – холодно отрезала моя спутница.

Скривив лицо, да отдала ключ. В кафе у всех был примерно тот же вид. Все глазели на нас так, будто мы некая экзотика. Я старался уговорить ее дать мне денег. Брал её за руки, целовал, говорил много слов, как оказалось, не в попад и не про то. Её лицо выражало замешательство, смешанное с презрением и радостью, что от нее зависит человек. Она хохотала над моими комплиментами, разбивала в пух и прах все мои аргументы. Пока я думал, доставать козырь из рукава или нет, она размешивать сахар в своем американо. Она явно считала себя победителем. Ее надменный взгляд пробирал меня насквозь.

– Ты закончил? А то у меня не так много времени.

– Документы и фотографии.

Казалось, она уронит чашку. Шантаж не слишком честный, зато действенный способ добиться своего. Она внимательно выслушала меня и мои условия. Они были простыми – сто тысяч и одна ночь.

– Я не буду спать с тобой, ублюдок.

Я взял её за руку, та старалась убраться от неё. Я видел, что она сейчас заплачет. Возможно, это неправильно. Но мне было уже все равно. Надо урвать куш.

– Я все понимаю, зайка. Но это лишь одна ночь и все. А так, эти документы увидят свет. Её трясло. Как забавно, ведь каких-то полчаса назад она была совсем другой. Я стоял

на пересечении двух улиц, затягиваясь дешевыми сигаретами. Легкий флёр парфюма с нотками персика проник к моему носу через стену табачной вони. Легкий, завлекающий, интригующий. Я мгновенно влюбился и запомнил его на остаток жизни. Зеленое коктейльное платье, туфли, цвета «Тиффани» и улыбка до ушей. Счастливая, до поры. Она надеялась на восстановление, новую страницу. Когда я ее увидел, то единственное, что мог сказать:

– Привет, доченька.

Вздохнув, она в последний раз ответила мне взаимностью, со словами:

– Здравствуй, папа.

Видеть прекрасные сны

В комнате с белыми стенами слишком светло. Несмотря на приличную мебель, красивый стол, мягкую кровать, А не чувствовала себя комфортно. Она вообще забыла значение этого слово, так давно та находится в напряжении. Единственное время, когда она могла более-менее расслабиться, это прогулка с парочкой друзей и рисуя очередную картину. И если первое начало приносить радость не так давно, то рисование давно стало для нее единственной отдушиной в мире религиозной деспотии родного брата. А перерисовывает какую-то рокершу с обложки книги, про панк-рок. Она скрыла эту книгу так глубоко и тщательно, что сама еле нашла. Ведь рок и подобная музыка для её брата, главы семьи, харам. В принципе, как и любая литература, кроме Корана, любая музыка и общение с кем-то, кроме членов семьи. Харам окружал всю её жизнь. Дабы не сойти с ума, А начала рисовать все больше и больше. После, поступив в университет, она узнала одну милую парочку, которую её брат точно назвал бы отвратительной. Но ей они таковыми не казались. Милые, умные, образованные, не сдерживаемые рамками религии. Нет, не атеисты, просто способные думать, говорить, размышлять. Дома такое не приветствовалось. Говорить о подобном А боялась, ведь все могло очень быстро закончиться. В душе она понимала, что брат волнуется за нее и, по своему, любит её. Однако такая любовь заставляла А испытывать отвращение как к нему, так и к религии. Все чаще она думала о том, как не сгинуть здесь, сойдя с ума в этом Аду. Ей все же помогала та парочка. Особенно парень, постоянно поддерживая ее, вселяя надежду и оптимизм. Именно он сказал ей развивать свое хобби. «Авось, выйдет что-то. Не может же хотя бы это быть харамом». И та стала рисовать больше. Лучше. Надеюсь, что все таки вырвется.

Через пару недель, брат сломал ее ноутбук, почти посадил А под замок и избил того парня. Ничего хорошего из этого не вышло – отношения ухудшились еще сильнее. Харам. Это слово она стала слышать чаще, чем свое имя. А стала часто сидеть в полном одиночестве, без еды и воды, думая либо о своей, либо о его смерти. На полном серьезе, когда брат опаздывал и не предупреждал ее, она надеялась, что тот попал в аварию и умер. Депрессия все больше и больше угнетала и затуманивала ее рассудок. Девушка, чей парень попал в больницу, не стала меньше с ней разговаривать, их отношения не ухудшились. Она даже стала поддерживать А, говоря, что парень не обижается, скоро выйдет из больницы, ничего жуткого не случилось. Но ей все равно было тошно от мысли, что из-за нее пострадал человек.

Прошла еще неделя. Жуткая, наполненная страхом и паранойей. А начала размышлять, а нормально ли это, мечтать о смерти брата? Хотя, не меньше она мечтала о том, как бы сбежать и стать кем-то вроде хиппи XXI века. Но тут, пареньек вышел из больницы – веселый, жизнерадостный и оптимистичный, до зубовного скрежета. Брату все же досталось, за избиение подростка. Благодаря этому, А получила долгожданное спокойствие на небольшой срок. Она уже и забыла, какого это, чувствовать Умиротворение. Парочка советовала ей развивать свои навыки, оттачивать мастерство и выходить на более профессиональный уровень, выкладывать работы и так далее. В общем, идти к своей цели. А начала мечтать и рисовать. Линии стали четче, лица живее, а цвета интереснее. Она уже не думала о том, что у нее может не получится. Единственное, что ее волновало – творчество, которое может вытащить ее отсюда. Да, ей не стать хиппи. Но А твердо уверовала в то, что ее прекрасные сны об Умиротворении сбываются.

Ноктюрн

Крема американо сели, показывая темную, практически черную поверхность кофе. Пар все еще шел от него, но уже было понято, что он остыл, испортился. Почему-то люблю именно такой американо – чуть кислый, теплый. В этой дешевой забегаловке делали хороший кофе, а все остальное лучше не пробовать. Неудобный красный диван из кожзама или чего-то в этом роде неприятно холодил задницу. Комфортом здесь и не пахнет – холодно, грязно, лампы не горели, посему сквозь окна пробивался холодный свет осеннего солнца. Прошло примерно полчаса с тех пор, как я здесь сижу. Я посмотрел на время. Сорок минут. Опаздывает, опять. Каждый раз, когда слышал звук открывающейся двери, я с надеждой смотрел, стараясь увидеть ее. Но это были лишь случайные посетители, которые не приносили ничего, кроме холода и грязи. Казалось, куда уж больше.

Наконец, спустя некоторое время, пришла Она. Красная, уставшая, пухлые губы посинели. Видно, что старалась успеть. Она села, скинув с себя шарф, шапку и куртку. Та итак выглядела старше своих лет, а сейчас я бы дал ей двадцать шесть лет минимум. Он подозвала неказистую и неуклюжую официантку, заказала коктейль и отправила.

– Итак, – начал я – Ты снова опоздала.

Она начала буравить меня взглядом.

– Оправдываться я не собираюсь. Сам знаешь, что я забываюсь иногда.

– Я все понимаю, но мы сидим здесь каждую среду на протяжении трех месяцев.

– Закрой тему или твой холодный кофе окажется у тебя на морде.

Я улыбнулся. Классический обмен любезностями. С М я знаком не так давно, около пяти месяцев, с тех пор как остановился в небольшом приморском городке. Даже моя память не удержала момент нашего знакомства, что уж говорить о её. Помню, я частенько приходил к ней на концерты. Фортепиано, скрипка, мне нравилось слушать ее игру на этих инструментах. Когда она бывала у меня, она играла мне на скрипке, а я читал ей свои рассказы. Творческие вечера, как мы их называли. Теплые воспоминания. Мне до сих пор не верится, что М школьница. Девятый или десятый класс, не помню. Не только и не столько из-за общения, сколько из-за ее внешности. Она выглядела на все двадцать – огромные глаза, пухлые губы, щечки, басовитый голос. Мне не нравилась её внешность, хотя в ней и было нечто притягательное. М частенько просила встретиться её у школы, дабы весь класс смотрел на то, как ее забирает двадцатипятилетний парень. Так продолжалось около месяца. За ней и тогда наблюдались странности, но до явных заскоков не доходило. Потом, она начала забывать дорогу, нести околесицу. Ее диагноз мне крайне не понравился. Шизофрения, или нечто в этом роде. М начала постепенно меняться и забывать, кто она. Со временем, все стало только хуже.

В первом месяце ей выписали таблетки, которые хоть и делали ее ленивой и медлительной, но все же позволяли ей сохранять относительную остроту ума. Общение было более размеренным и равнодушным. Наступила глубокая апатия ко всему происходящему вокруг нее. Бесконечные попытки растормошить М привели к тому, что она отказалась вовсе оказалась от лекарств. «Сойду с ума, хрен с ним. Всяко лучше, чем быть мертвым овощем». Первое время ей удавалось скрывать тот факт, что не лечится. Даже нашла способ срубить немного денег на своей болезни, продавая таблетки тупым мелким бабенкам, желающим словить какой-то кайф. Но потом, она немного заблудилась – перепутала автобус, забыла где живет и уехала в соседний город. Я так и не узнал, как она попала домой. То ли вспомнила, где живет и доехала автостопом, то ли нашла знакомых, которые ее довели. М забыла об этом в тот же день. Результат этого путешествия оказался один – ее посадили под замок, дабы не случилось

еще чего-нибудь. В школу ее возила мать, встречала тоже она. Отсутствие нормального общения с кем-либо крайне отрицательно сказалось на ней. М заставляли принимать лекарства, хорошо хоть иного толка, те не делали из нее овоща. Она часто играла на фортепиано «Ноктюрн» Десятникова. Крайне грустное произведение, учитывая ее нынешнее состояние. Разговоры наши стали проходить все реже. Все это продолжалось еще месяц, пока ее состояние не ухудшилось.

Врач, в связи с ее состоянием, посоветовал матери выпускать ее в народ. Естественно, постоянно держа с ней связь и давая некоторые лекарства. Примерно с этого начались наши встречи по средам. В принципе, совет врача немного помог – общение пошло на пользу. Правда в течение следующих трех месяцев М стремительно менялась. Она стала грубее, замкнутее, все больше язвила и ерничала. В школе все чаще были проблемы из-за растущего асоциального поведения. Драки, торговля таблетками, секс в некоторых кабинетах. Непонятно, было это следствием болезни или ж растущего чувства отчаяния и безысходности. М было не узнать. Болезнь обнажила все ее плохие качества. Вот и сейчас, сидя в привычной обстановке, мне с трудом удавалось узнать в ней девушку, с которой я говорил почти полгода назад. Внешность тоже изменилась. «Я стала такой страшной. Как жалко» – говорила она, смотря в зеркало своей пудреницы. Мда, за эти месяцы ее изрядно потаскало: мешки под глазами, потрескавшиеся губы, странный взгляд, пропавшие щеки. Ей словно тридцать лет. Тридцать долгих и тяжелых лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.